Рисунок Н. ГРИШИНА

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

ОДИССЕЯ ВАЛГУСА

Научно-фантастический рассказ

В далеке горели костры звезд.

Если человек давно не встречал людей, у него в глазах поселяется диковатая тоска. Но он разводит костер, и одиночество отступает. А человек протягивает руки к огню, как протягивает их другу.

Огонь сродни человеку. Он течет по жилам, пылает в мозгу и блестит в глазах. Люди любят глядеть в пламя: они видят там прошлое и угадывают будущее. Если же человек бродяга, он любит огонь еще и за вечную изменчивость горячей судьбы.

А здесь, в пространстве, где несется корабль, не из чего даже развести костер.

Когда-то это было просто. Хворост хрустел под ногами, сухие стволы бросались поперек тропы, нетерпеливо ожидая той минуты, когда им будет дано унестись в небо языком яркой плазмы. Так было в лесах Земли и в других лесах.

Нет ничего, что могло бы гореть. А костры пылают, они бушуют вдалеке. Их видно простым глазом, но путь слишком далек. Можно протянуть к ним руки, но тепло не коснется пальцев: оно умирает раньше, тепло костров в бескрайней степи мироздания.

Что же, бродяга, иди своей дорогой! Тоскуй по огню костров и ночлегу в траве, вспоминай, как это было хорошо, думай, как хорошо еще будет. Иди и грейся у огня далеких звезд, пока нет земного пламени, пока ты один...

«Вот черт! — подумал Валгус. — Полез в такую лирику, а? Сдаешь, бродяга. Да ты даже и не один. Есть еще этот... Кстати, что он там?»

— Одиссей, — негромко сказал Валгус, — давайте текст.

Последовала секундная пауза. Затем послышался холодный, безразличный голос:

— Окисление шло медленно. Реакция не стабилизировалась. Выделявшейся энергии было слишком мало, чтобы обеспечить нормальное течение процесса. Можно предположить: окислявшаяся органика содержала слишком много воды, поглощавшей тепло и тем самым мешавшей развитию реакции...

— Стоп! — сказал Валгус. — Этого достаточно. Дремучая, несусветная чушь. От нее уши начинают расти внутрь. Понял, Одиссей?

— Не понял.

— В этом-то и несчастье. Я просил тебя перевести маленький кусочек художественного текста. А ты что нагородил? Понял?

— Я понял. Описанный способ поднятия температуры воздуха существовал в древности. Были специальные сооружения — устройства, аппараты, установки — в жилищах. В них происходила экзотермическая реакция окисления топливных элементов, приготовленных из крупных растений путем измельчения. В данном тексте говорится о поднятии температуры воздуха. Дается начальная стадия процесса. Текст некорректен. Воздух нагревается вне помещения. Чтобы таким способом поднять температуру воздуха на планете, нужно затратить один запятая восемь на десять в...

— Да, — грустно сказал Валгус. — Но в тексте просто сказано, что костер не разгорался — дрова были сырыми. И все. Употребить архаизмы «дрова» и «костер» — и дело с концом. А?

— Я не знаю архаизмов.

— Он не знает архаизмов, бедняга! Ах, скажите... А фундаментальная память?

— Ее надо подключать. Я не могу сделать этого сам.

— Ага, — проговорил Валгус, раздумывая. — Значит, подключить фундаментальную память? Что же, это, пожалуй, справедливо. Я так и сделаю. Это предусмотрено программой. Я бы сделал это даже сию минуту... если бы ты после этого смог мне сказать, почему не возвращаются корабли...

Валгус помолчал.

— Почему они взрываются — если они взрываются. А если остаются целы, то что же в конце концов с ними происходит? Кто здесь мешается со своими чудесами? Я тебе завидую, Одиссей: ты-то разберешься в этом очень скоро.

«Представляю, как станет излучать Туманность Дор, он же академик Дормидонтов, когда придет пора прослушивать эти записи, — усмехнулся Валгус. — Ну, и пусть себе излучает. Могу же я себе позволить...»

— Впрочем, — сказал он громко, — завидовать тебе, Одиссей,

не стоит. Может быть, ты действительно просто взорвешься. Этого себе не пожелаешь. А?

Одиссей молчал. Валгус пожал плечами.

— Ну, ну... Только до сих пор в природе взрывы всегда сопровождались выделением энергии. А наши эксперименты дают, наоборот, ее исчезновение. Назло всем законам. Исчезает корабль и почти вся энергия с ним. Слабенькая вспышка — и больше ничего. Тебе понятно?

— Не понял, — без выражения произнес Одиссей.

— Не ты один. А вот я должен бы уразуметь, в чем же тут дело. И проверить. Вернее, проверять-то придется тебе. Мое дело — попросту принести тебя в жертву. В твои времена, Одиссей, отдавали на заклание быков. Времена изменились... — Валгус помолчал. — Так включить тебе память? Нет, лучше сначала скажи, как дела.

— Я в норме, — отчеканил Одиссей. — Все механизмы и устройства в порядке.

— Программа ясна?

— По команде искать наиболее свободное от вещества направление. Лечь на курс. Увеличить скорость. В момент «Т» включить генераторы. Освободить энергию в виде направленного излучения. Через полчаса снять ускорение и ждать команды.

Одиссей умолк. Настала тишина. Только неторопливо щелкал индикатор накопителя: «ток... ток... ток...» Валгус прошелся по рубке, упруго отталкиваясь от пола. Пилот задумчиво глядел перед собой, схватив пальцами подбородок.

— Уж куда как ясная программа... Итак, нам с тобой предстоит...

Но даже объяснить, что именно предстояло, было, по-видимому, достаточно трудно, и Валгус не стал продолжать. Еще несколько минут он колесил по просторному помещению, все так же сжимая пальцами подбородок. Затем приостановился, медленно покачиваясь на каблуках.

— И ты взорвешься — или уйдешь туда. В надпространство. В последнем эксперименте распылился «Арго». Или все-таки ушел? Первую часть программы он выполнил точно, но вторую... Так или иначе, назад он не вернулся. Прекрасный корабль «Арго», только у него было четыре приданных двигателя, а у тебя пять... Не вернулся. Хорошо, включу тебе память. Совершенствуйся, постигай непостижимое. Может быть, хоть тогда ты начнешь разговаривать по-человечески. Иначе мы с тобою каши не сварим... Кстати, повар ты неплохой. Прощальный обед доставил мне много невинных радостей бытия... Ты говоришь, память? Пусть так... Ты знал, что попросить. Нам не очень-то рекомендуют подключать эту самую память. Конечно, мы вас знаем и видим насквозь, как говорится, но в общем это только говорится, и кто знает, почему вот ты иногда делаешь так, а не иначе... Но все равно тебе придется идти на прорыв... Корабли не возвращаются, в этом вся история. А мне болтаться на шлюпке и ждать, пока подберут, — невеселая перспектива. Что я, лодочник?

Валгус не торопясь шел по коридору. Он намеренно избрал самый длинный путь в библиотеку, где надо было включить

фундаментальную память. Валгус любил ходить по коридору. Длинная труба звала ускорить шаг, но Валгус сдерживался, чтобы продлить удовольствие, которое давала ходьба.

Вдоль левой стены были установлены устройства. Откидывая крышки кожухов, Валгус взглядом проверял готовность долго, терпеливо ждущих нужного момента магнитографов, астроспектровизоров, стереокамер, экспресс-реакторов и всего прочего, придуманного хитроумным человечеством, чтобы не пропустить момента, когда будет проломлена стенка трех измерений и корабль нырнет в неизвестное и непонятное надпространство. Впрочем, кто знает, правильно ли так называть неразгаданное явление. Терминология иногда устанавливается совершенно случайно. Наука требует точных данных. Человек найдет на их основе разумное объяснение.

Коридор кончился. Ничего себе коридорчик, добрых полкилометра длиной! Валгус не без усилий отворил тяжелую дверь. Отсек обеспечения автоматики; его проверка тоже входит в план подготовки к эксперименту.

...И все-таки почему корабли не возвращаются? Но гадать не стоит. В наше время не гадают. Когда теория заходит в тупик, летят на место и собирают факты. Собирают факты и теряют корабли. От испытателя требуется одно — новые факты. Никто не ожидает именно от него новых гипотез. Никто не спросит — почему. Спросят лишь — как.

Ну, на это ответить будет несложно. До поры до времени все запишут устройства — эти вот и еще установленные на шлюпке. А вот что произойдет дальше?

«Хотел бы я, — подумал Валгус, — угадать, что будет дальше. Но я не имею права идти дальше заданного. А он не может, технически гениальный Одиссей. Поэтому и решили дать ему фундаментальную память. Да, хотел бы я все-таки знать о дальнейшем. Впрочем, любопытство губило многих, а мне вовсе неохота попасть в их компанию. Мне еще хочется полетать, риск же хорош лишь в пределах разумного».

Он сидел на ступеньке трапа, ведшего на второй ярус отсека обеспечения автоматики. Размышлял, удобно оперев подбородок о ладонь.

Все-таки взрывы это или нет? Туманность Дор клянется, что нет. И тем не менее корабли взрывались. Откуда бы иначе браться вспышкам? Жаль этого бедного, туповатого Одиссея. Что с него взять — он ведь не человеческий, а всего лишь корабельный мозг. Но какой пилот не жалеет корабли? Так на чем мы остановились? На том, с чего начали.

Вздохнув, Валгус поднялся со ступеньки. Вышел в коридор, затворил за собой дверь и тщательно, до отказа закрутил маховик.

— Ну, сюда больше ходить незачем. Расстанемся...

В библиотеке было удобно, уютно, как на Земле. Стояли глубокие кресла, так что пришлось по очереди посидеть в каждом, чтобы ни одно не обидеть. Благо времени хватало, а таких фантазий Валгусу тоже было не занимать.

Просто странно, как бывает нечего делать перед самым началом эксперимента. Наибездельнейшее время... Взгляд Валгуса скользнул по записям в гнездах, занимавших всю переборку.

В них была собрана, как говорится, вся мудрость мира. Ну, не вся, конечно... Но для Одиссея вполне достаточно. Удобная библиотека, доступная и человеку и решающему устройству на криотронах, по имени Одиссей.

Вот мы это и используем. На сей раз Туманность Дор решил, что Одиссей должен иметь фундаментальную память. Подключать ее без необходимости не рекомендуется. И дело не в увеличении нагрузки. Дело в том, что, хотя машину конструировали и изготовляли люди, и люди заложили в нее определенные свойства, но иногда с этими устройствами бывает так: наряду с десятью известными, наперед заданными свойствами ты, сам того не зная, закладываешь в него одиннадцатое, тебе не известное и тобою не предусмотренное, а потом сам же удивляешься, почему машина поступает так, а не иначе.

Впрочем, к фундаментальной памяти это не относится. Да и кто знает, какие задачи придется решать Одиссею, когда он останется один? Так что включим ее, не мудрствуя лукаво...

Валгус повернул выключатель, присоединявший всю память библиотеки к контактам Одиссея. Пусть теперь просвещается в области литературы, пусть занимается человековедением. Кстати, это не отнимет у него много времени. Вот исчезнувший неизвестно как «Арго», наверное, так и взорвался, не обогатив себя знанием литературы. Может, ему от этого было легче взорваться? Но какое качество появится у «Одиссея»?

Валгус уселся в последнее кресло, подле экрана. На нем были все те же звезды в трехмерном пространстве. Привычный пейзаж. Сфера неподвижных звезд, как выражались древние... Звезды и в самом деле оставались неподвижными, хотя скорость «Одиссея» была не так уж мала... Неподвижны.

Валгус собрался в комок.

Звезды были неподвижны, за исключением одной. Она двигалась. И быстро. Перемещалась на фоне остальных. Становилась ярче. Что такое?

Он проделал все, что полагалось, чтобы убедиться, что не спит. Да нет, он вовсе и не собирался спать — теперь меньше, чем когда бы то ни было. А звезда двигалась. Светящееся тело. Но тут не солнечная система, где любой булыжник в пространстве может блистать, отражая лучи близкого светила. Нет, здесь уж если тело сверкает, то без обмана. Да оно и движется к тому же. Это, конечно, не звезда. А что? Район закрыт для кораблей. Заведомо пуст. Чист для эксперимента. А что-то горит. Плывет такой огонек... Огонек?

Валгус вплотную придвинулся к экрану, прижался к нему, хотя и незачем было. Но все же... Нет, не один огонек. Один ярче, два послабее. Треугольником... И чуть подальше еще два. Что-то напоминает ему эта фигура. Что-то сто раз виденное. Ну? Ну?

Он вспомнил. Это было видено даже не сто раз. Больше. Один ярче, два послабее, и дальше еще два. Навигационные огни.

Значит, это корабль. Идет параллельным курсом. Но откуда здесь корабль?

Громоотвод и молнии! Вакуум-головы, великие раззявы мироздания! Он же мог приступить к опаснейшему эксперименту, а тут — вот, пожалуйста — разгуливают себе корабли с рото-

зеями на борту. Лезут ничтоже сумняшеся в статистику несчастных случаев. Прямо-таки рвутся. Нет, командир их поступит очень разумно, если постарается не встречаться с Валгусом на Земле. Впрочем, зачем ждать встречи, когда и сейчас можно выйти на связь с этим адмиралом разгильдяев и сказать ему кое-что о людях, путающих командирское кресло с детской посудиной?..

Извергая на головы разгильдяев все новые проклятия — а их немало поднакопилось за время полета, просто не на кого было излить, а вот теперь случай представился, прекрасный случай, — Валгус кинулся к двери. Он уже затворял ее за собой, когда в библиотеке что-то негромко щелкнуло. Валгус торопился, разноцветные словечки и выражения, многоступенчатые, как давние корабли, кишели в мозгу и просились в эфир. Однако приросшая к характеру Валгуса за долгие годы полетов привычка больше всего заниматься мелочами заставила его вернуться.

Очевидно, он недовернул переключатель: фундаментальная память оказалась отсоединенной. Валгус снова включил ее, тщательно и обстоятельно, и направился к выходу. На этот раз неторопливо: все равно из зоны устойчивой связи этот пожиратель Млечного Пути так скоро не выйдет.

На этот раз щелчок раздался, когда Валгус только взялся за ручку двери, и Валгус обернулся так быстро, что ему самому стало ясно: он ждал этого щелчка. Да, Одиссей упорно отказывался от подключения фундаментальной памяти. Тот самый Одиссей, который не далее как час назад просил о ней. Не начал ли сказываться какой-нибудь неучтенный эффект? Это самое одиннадцатое свойство... Одиссей отказывается! Смешно, как будто горсть криотронов может отказываться или не отказываться...

Ехидно улыбаясь, Валгус на этот раз уж постарался закрепить переключатель так, чтобы было невозможно нарушить контакт. Вот так-то, на корабле один хозяин, и имя ему — Валгус. А вне корабля?

На экране пять огоньков независимо скользили между звезд, неизвестный корабль по-прежнему ковылял параллельным курсом. Как будто ему было приказано сопровождать «Одиссея» на штурм пространства!

Валгус вошел в рубку, откашливаясь для предстоящего разговора и стараясь выглядеть все же спокойно. Так уж полагалось, хотя, если бы даже Одиссею было и не все равно, как выглядит пилот, корабельный мозг так или иначе этого бы не увидел: внутренних оптических рецепторов у него, за ненадобностью, установлено не было. Просто командир корабля всегда должен быть спокойным. И Валгус неторопливо включил видеоустройства, покрутил рукоятки, разыскивая чужой корабль. Ротозейское корыто болталось на старом месте, но устройства в рубке были куда мощнее библиотечных, и можно было различить не только контур.

Это была почти однотипная с «Одиссеем» машина последнего выпуска, правда, на широко разнесенных фермах у нее было не пять приданных двигателей, а всего четыре, но зато выходы генераторов ТД располагались не только на жилой группе, но

и на прилегающем участке коридора. Такой корабль в известной человеку части вселенной был только один. А именно тот самый «Арго», который не вернулся из эксперимента полгода назад.

Валгус жалобно засмеялся. «Арго»! Так... Что еще произойдет сегодня? Он смеялся и смеялся, кашлял, скрипел и давился смехом, потом внезапно смолк. Одиссей тоже вроде бы посмеивался — он мигал индикаторами связи. Переговаривался с «Арго»? Но если это и действительно корабль, то людей-то на нем быть никак не могло. Что же это за мигание? Ни в какую азбуку не укладывается... Обычно по индикаторам можно с легкостью разобрать, что говорят, что отвечают. Здесь какая-то бессмыслица. И тем не менее работает именно связь. Этот идиот Одиссей переговаривается... А ну-ка, я вызову этого призрака сам...

Валгус уселся за связь. Он вызывал долго, все более ожесточаясь. Как и следовало ожидать, никто даже не подумал отозваться. Сорвать злость оказалось абсолютно не на ком. Разве что на себе самом, но это было бы уж и вовсе бессмысленно.

«В общем все понятно. Вот к чему приводит чересчур упорное мудрствование в одиночку на тему — куда деваются корабли, взрываются или уходят в надпространство. Галлюцинация, Валгус, вот как это называется. Мы сделаем вот что: сфотографируем этот участок вселенной. И пойдем спать. Необходимо отдохнуть, если уж дело зашло так далеко. А эксперимента сегодня не будет. Никто от этого не умрет, а хорошо выспаться — половина успеха...»

Он сфотографировал этот участок пространства. Обработать снимки можно будет потом, а сейчас действительно очень хочется спать. Да на снимках и не окажется ничего: оптика не галлюцинирует. Пойдем в каюту...

Но Валгус чувствовал себя все еще чересчур возбужденным, пульсы зло колотились в висках. Так, пожалуй, не уснешь. Надо заняться чем-нибудь таким — простым, легким... Хотя бы проверить шлюпку, вот что. От нечего делать и, понятно, для спокойствия. Чтобы уж завтра не случилось ничего такого.

Валгус ухмыльнулся: «Ладно уж, не делай вид, что вспомнил о шлюпке просто так. Я-то тебя знаю, вселенский бродяга. Риск — в пределах разумного...»

Шлюпка была наверху. Пришлось подняться по широкому пологому трапу, рассчитанному на то, чтобы по нему можно было пробегать, ни за что не зацепляясь, даже в самые суматошные минуты полета. Вот люк был узковат. Шлюпка есть шлюпка, этакий небольшой космический кораблик на одного человека. После начала эксперимента ты будешь спасаться на нем, пока Одиссей станет ломиться в пресловутое надпространство.

Валгус, как и полагалось по инструкции, осмотрел шлюпку снаружи, вручную провернул освобождающий механизм, прямотаки обнюхал катапульту, затем забрался внутрь, в тесноватую рубку. И здесь все было в порядке. Шлюпка уже сейчас, кажется, делала стойку — только скомандуй, и она кинется в сторону и унесет тебя подальше от опасностей, от возможности взрыва... Да, все в порядке. А у Валгуса и не бывает иначе.

Минимум риска. И — инструкции: их надо выполнять, они указывают нам, что следует делать.

«Опять ты об этом, достопочтенный бродяга! Хватит на сегодня, иначе тебе снова начнут мерещиться мертвые корабли. Не надо. Осмотрел шлюпку — прекрасно. Иди ложись спать...»

Возвращаясь, Валгус не забыл проверить, надежно ли заперты отсеки с аппаратурой ТД. ТД — так сокращенно именовался Туманность Дор, а его аппаратура — скромные машинки по полторы тонны весом, те самые генераторы, при помощи которых корабль будет пытаться изогнуть вокруг себя пространство и проломить или прорвать его. И здесь никакого беспорядка не было. Одиссей знал свое дело. Правда, он не знал ничего другого. Например, что вовсе не так уж сильно хочется оставлять его одного в решающий момент...

Войдя в каюту, Валгус затворил дверь за собой. Он мог бы и не делать этого, потому что никто не потревожил бы его сон и при раздвинутых створках: ближайший из тех, кто мог бы совершить такую бестактность, находился на базовом корабле, за миллиарды километров отсюда. Но Валгус все-таки захлопнул дверь по привычке к порядку.

Затем он снял куртку, аккуратно повесил ее в шкафчик и уселся на низкое, покорно подавшееся под ним ложе. Зажег малый свет. Взял с тумбочки дешифратор с вложенной записью книги. Включил.

— Младая с перстами пурпурными Эос... — саркастически произнес Валгус. — Все-таки в пространстве Гомер как-то не лезет в голову. Меня смутил Одиссей — хотелось аналогии. Криотронный Одиссей тоже достаточно хитроумен, только он из другой оперы. Надо было взять что-нибудь повеселее.

Но он отлично знал, что читать сейчас все равно не в состоянии. Стоит начать — и опять полезут в голову мысли, полные «белых пятен». Надо просто спать, спать. Хорошо бы увидеть какой-нибудь нейтральный сон. Раз уж нельзя здесь развести костер, неплохо будет посидеть у огня хотя бы во сне...

Он протянул руку к гипнорадеру — маленький рефлектор прибора поблескивал на стене, над ложем. Рука остановилась на полдороге, потом неторопливо возвратилась в исходное положение.

— А может быть, не спать? — подумал Валгус вслух. — Так я хоть сам с собой поговорю, и все станет на место. А приснится еще кто-нибудь оттуда, с планеты...

Кто-то приснится, и ты начнешь говорить с ним. У костра. Но не греют нас костры снов, а разговор ты не успеешь кончить и, может статься, так и не успеешь договорить никогда. А лучше и не начинать таких разговоров, которые могут не окончиться ничем.

Да, в этом было, наверное, дело, а вовсе не в ощущении невозможности сна — о нем вам расскажет любой звездник. Это ощущение возникало, когда скорость переваливала за половину световой. Тут все было ясно — космопсихиатры давно выяснили, что ощущение это появлялось не от скорости, которая вовсе не чувствуется, а только от мысли — может быть, даже не осознанной, — что, пока ты приляжешь на несколько часиков и будешь мирно похрапывать, на Земле могут родиться

и состариться поколения... Правда, такого еще не бывало: до появления кораблей класса «Арго» скорость выше половины световой достигалась лишь урывками. Но, во всяком случае, стоило это представить — и спать становилось невозможно, просто немыслимо из-за угрозы проспать чью-то жизнь: может быть, той женщины, которая называлась бы счастьем, или мужчины, что стал бы лучшим твоим другом. Вот потому-то каждое спальное место на корабле оборудовано гипнорадером — прибором, который надо только включить, и можно спать и видеть сны.

«Что же, — подумал Валгус, — будем видеть сны... Забудем мертвые корабли...» Он устроился поудобнее, мысли затянул легкий туман. «Забудем... И пусть будут сны...» Валгус улыбнулся, и глаза закрылись сами.

* * *

...Ионная ванна. Массаж. Валгус постанывал от удовольствия. Завтрак. Завтрак был съеден с удовольствием. На аппетит не влияла никакая скорость и вообще ничего не влияло, если на столе было что-нибудь повкуснее. От завтрака, как известно, зависит настроение, которым Валгус очень дорожил.

Затем он переоделся во все чистое и долго надраивал ботинки. Он успокоился, лишь когда черный пластик заблестел не хуже главного рефлектора. Конечно, такой парад был не обязателен — все равно принимать его некому. Но вахта есть вахта, нельзя оскорблять корабль небрежным отношением к ней. Уж это Валгус знает, летает не первый год.

Поэтому именно он идет сейчас на корабле последней модели, доверху набитом аппаратурой. Ее с великим тщанием устанавливали монтажники и ученые, и сам пресловутый ТД, кряхтя от давящей славы, излазил все отсеки. Он перепробовал каждое соединение и при этом потрясал широчайшей бородой. Той самой бородой, которую, по слухам, вначале и окрестили Туманностью Дормидонтова. Уже впоследствии это название перешло на него самого и сократилось до простого ТД. Впрочем, Валгус думал иначе — корни прозвища, наверное, таились в манере ТД зачастую говорить крайне туманные вещи, которых никто не понимал.

Вот и теперь корифей навел туман на вопрос о надпространстве. Никто еще не знал как следует, что же такое надпространство, но ТД утверждал, что выйти в него можно. Из-за этого и гибли корабли. Конечно, дело стоило того. Если можно прорваться в надпространство, это станет открытием века. Надпространство — это значит, что решается проблема сообщения и связи. Метагалактика... Да, даже Мета сжимается до карманных размеров. Смятый лист бумаги, который можно сложить любым образом, — вот что такое тогда пространство.

Открытие века... Недурно совершить его, даже если гипотеза принадлежит не тебе; просто доказать ее справедливость — и то уже очень хорошо. Опровергнуть гипотезу тоже неплохо. «Да» или «нет» — точный ответ двигает науку. Признайся: поэтому-то ты и напросился в этот полет. А вовсе не из-за сво-

его сварливого характера, который, как ты уверяешь, мешает тебе долго оставаться на Земле. Нет, не из-за характера.

Открытие не состоится. Их совершают люди, а не киберы, даже столь интеллектуальные, как Одиссей. Но ведь именно Одиссей пойдет биться об эту невидимую стенку. Он все выполнит и ничего, к сожалению, не поймет. И значит, не откроет. А человек предусмотрительно бросит Одиссея на милость святой Программы, попросту удерет с него на шлюпке, отдав сперва все команды, и лишь с почтительного отдаления станет наблюдать за происходящим. Он заметит слабую вспышку, корабль исчезнет, приборы покажут вместо увеличения уменьшение количества энергии в данном объеме пространства. И все. «Одиссея» никто и никогда больше не увидит, как не увидит и открытия. А человек в шлюпке затормозит, развернется и, теша себя монологами об исполненном долге, поплетется к той точке, где научная база висит себе и протирает пространство в ожидании результатов очередного жертвоприношения.

Вот если бы на стенку пошел человек... И затем открытие привез бы на базу некто Валгус. Испытатель Валерий Гусаков. В общем риск — это наименьшее, чем приходится платить за право быть человеком, тем более любопытным человеком.

«Ну, хорошо. Это все пустые разговоры. Характер у тебя, правда, бродяжий. Но бродяги — народ осторожный и многоопытный. Они в огонь не прыгают, а греются около. Любопытство, риск — это еще да или нет, а вот программа эксперимента — это уж наверняка да. Вот и выполняй».

Валгус вошел в рубку подтянутый, серьезный, словно бы его ждал там весь экипаж. Четкими шагами подступил к пульту. Миг постоял около кресла. Уселся. Посидел, вытянув перед собой руки, разминая пальцы, как перед концертом.

— А сны мне все-таки снились, — сказал он. — Снится такое, чего вообще не бывает. Такая залихватская фантастика снилась мне, друг мой...

Одиссей молчал. В таких разговорах он вообще не принимал участия. Ни до сна, ни до фантастики ему не было никакого дела. Он был просто корабль, выполнял команды, управлял сам собою и вел походный дневник, и все. Валгус перемотал ленту, прослушал накопившиеся записи. Ничего интересного. Об «Арго» ни слова. Понятно — просто привиделось. Следовало бы, конечно, проявить ту пленку, на которой он пытался запечатлеть собственную галлюцинацию, ее призрачный продукт. «Что же, сделаем это...»

Он включил соответствующую автоматику, перегнувшись через подлокотник кресла. Кадры, конечно, выйдут пустыми. Естественно. Главное в таких случаях — хорошо выспаться. Это вообще полезно. Вот он выспался и чувствует себя прекрасно. Можно работать. Да и пора уже, откровенно говоря...

— Одиссей! — окликнул Валгус. — Что по курсу?

— Впереди — пространство, свободное до девятой степени.

Это, конечно, видно и по приборам. Но иногда хочется, черт побери, услышать и еще чей-нибудь голос, кроме своего.

— Вакуум хорош. Предупреждения?

— Нет.

— Отклонения от нормы?

— Не имею.

«Показалось или он действительно чуть помедлил перед ответом? — напряженно думал Валгус. — Да нет, чепуха. Он же не мыслящее существо. Обычное устройство. Прибор, аппарат, машина — что угодно... Однако это могло и не просто почудиться... Неисправность? Только этого не хватало... Придется поставить контрольную задачу».

Он задал Одиссею контрольный тест. Сверил с таблицей ответ. Нет, все сходилось. Значит, показалось. Только не надо нервничать.

— Внимание! — громко сказал он. — К выполнению программы.

— Программа введена, — равнодушно проскрипел Одиссей.

— Готовность сто. В момент «ноль» приступить к выполнению.

— Ясно.

Валгус удовлетворенно кивнул. Медленно повертывая голову, еще раз осмотрел рубку, пульт, шкалы приборов.

Всем существом своим ты ощущаешь, как наползает Время. Ради этого мига три месяца на хорошей скорости шел сюда, в относительно пустой район пространства. Три санаторных месяца полета, несколько часов настоящего действия. Стоило ли? Стоило. Иногда человек всю жизнь свою живет только для одного часа, и даже меньше — ради одной минуты подчас, но в эту минуту он нужен человечеству... Стоило. Ну, все. Кончились сны. Кстати, приснится же такое...

Он шумно вздохнул.

— Даю команду!

И, протянув руку, Валгус нажал большую, расположенную отдельно от других шляпку в первой части пульта. Затем повернул ее на сто восемьдесят градусов и нажал еще раз, до отказа, вплющивая головку в матовую гладь пульта.

— Сто! — сказал Одиссей и помедлил.

— Девяносто девять... — и снова пауза.

— Девяносто восемь...

Великолепно. Можно подключать кислород. Нет, еще рано, пожалуй... Подвеска затянута? Затянута. Игла на случай потери сознания при перегрузках? Вот она, взведена, хотя таких перегрузок и не предвидится. Все датчики включены в сеть записи? Все, все...

— Шестьдесят два...

— Шестьдесят один...

— Шестьдесят...

Да, наступает расставание. Ночевать сегодня он будет уже в откидном кресле маленького кораблика... Валгус взглянул на приборы, соединенные со шлюпкой. Там неторопливый покой, реакторы тихо живут в ожидании момента, когда будет дана заключительная команда кораблю, сказано ему последнее человеческое слово. Будь он хоть не один... Было бы их, скажем, двое. Вторую он усадил бы в шлюпку, и сейчас лететь ей на базу. А сам?

— Пятьдесят три...

— Пятьдесят два...

А он бы остался, очень просто. Вдвоем на шлюпке-одиночке не уйти. Остался, чтобы увидеть все не издали, а пережить

самому. И привезти ТД настоящие факты, хрустящие, тепленькие, а не какую-нибудь заваль. А там — опять будут гадать...

— Сорок пять...

— Сорок четыре...

— Сорок три...

«Бубни, бубни. Вот сейчас настало время подключить кислород. Так, и теперь направо, довернуть до конца. Готово. Дышится хорошо. Противоперегрузочные включены? Да. Все в порядке. Значит, ты готов остаться, окажись вас на борту двое? Ну, а если ты один, почему бы не остаться? Конечно, программу Одиссей и сам выполнит. Но, очевидно, имеется во вселенной нечто такое, чего нет в наших программах. Иначе все корабли возвращались бы. Нечто непредвиденное... А если впереди просто взрыв? И тогда уж — ничего? Совсем ничего...»

— Семь...

— Шесть...

— Пять...

«Ну, держись! Нет, дорогой мой ТД, все это ужас как интересно, но я все-таки не останусь. Если вы такой любопытный, вот и летели бы сами. А я не гений. Я — строго по инструкции. В назначенный момент — прыг в шлюпку и катапультирую. Ясно?»

— Два!

«Пауза, пауза, пауза, пауза... Ну же!»

— Один!!!

«Отцеплюсь!» — подумал Валгус и выкрикнул:

— Поехали!

Он не услышал отсчета «ноль». Потемнело в глазах, заложило уши. Кресло стремительно швырнуло его вперед, и он этак немного обогнал бы «Одиссея», но корабль вместе с креслом за тот же миг ушел еще дальше, и кресло снова и снова нажимало на многострадальную Валгусову спину. Стрелка счетчика ускорений дрожала на четырех «ж», потом нехотя поползла дальше. Зато столбик указателя скорости прямо-таки бежал вверх — туда, где в самом конце шкалы виднелся нарисованный кем-то из ребят вопросительный знак, жирный, как могильный червь. Что поделаешь, наступило время ответов.

— Продолжать ли эксперимент?

«Это еще что? Это скрипит Одиссей. Сугубо противный голос, неживой. Теперь мозгун будет приставать с этим вопросом при каждой отметке скорости. Ничего, такое ускорение мне даже полезно для здоровья. На этой станции я еще не сойду...»

Прошло еще сколько-то времени, его резал, как колбасу, на толстенные походные куски только голос Одиссея, который действительно все чаще спрашивал, продолжать ли да не прекратить ли. Такая уж была в него заложена программа. Валгус, чуть не руками поворачивая язык, хрипел: «Продолжать» — замыкал контакт, посылая сигнал: теперь Одиссей одним словам не верил. Наконец Валгус услышал что-то новое:

— Мои ресурсы на пределе.

«Ага! Значит, я свое дело сделал. Допек тебя все-таки...»

— Прекратить разгон! — радостно прокричал Валгус, откуда только голос взялся. Можно бы и не говорить — здесь самой

программой эксперимента была предусмотрена последняя площадка, участок пути, который можно пройти с достигнутой скоростью, не разгоняясь. Последний срок пилоту приготовиться к расставанию с кораблем. Еще раз проверить аппаратуру. Взять вещички. Затем объявить готовность «сто». Пока Одиссей будет считать, Валгус перейдет в шлюпку, помашет ручкой и катапультирует. Одиссей пролязгает «ноль», включит дополнитель — ТД. Вот тогда-то и начнется предстоящее «проламывание пространства»...

Одиссей прекратил разгон. Стало легко и радостно, Валгус запел, не особенно заботясь о музыкальности — Одиссей в музыке не разбирался. Минут десять Валгус улыбался, пел и отдыхал. Все-таки очень хорошо это было: сделав дело, петь и отдыхать. Вот так и всю жизнь... Затем он отстегнулся от кресла, отключил кислород. Встал. Сделал несколько приседаний. С удовольствием подумал, что дышит нормально. Нет, он еще посидит на Земле, у нормального костра, не термоядерного. Посидит...

— Ну, так как? — спросил он. — Будем прощаться, коллега?

Коллега Одиссей молчал, на панели его основного решающего устройства приплясывали огоньки. Одиссею было не до прощаний — он сейчас, как и следовало, вгонял в себя новую программу. Дисциплинированный коллега. «Итак, пошли?»

Но ему не хотелось уходить, менять привычную, просторную рубку большого корабля на эту мышеловку — кабину шлюпки. И вообще. Зря он только что, при разгоне, насел на ТД, который в управлении кораблем абсолютно ничего не смыслит. Корифей и стартовать бы не сумел по-людски. Нет, пока все правильно. Но вот лететь, добираться сюда три месяца, потом несколько часов переносить довольно-таки неприятные, по правде говоря, ускорения, и все затем, чтобы в решающий момент бросить корабль на произвол судьбы? Иными словами, запустить его в неизвестность, без надежд на новое свидание. А если он, Валгус, этот корабль полюбил? Конечно, кибер Одиссей — дубина и горшок, но он хоть не жалуется на въедливый характер пилота. А привязаться можно и к машине. Да еще как! Ведь хороший корабль...

— Может быть, — медленно сказал Валгус, — ты все-таки не взорвешься в виде любезности?

Одиссей все молчал и мигал, как будто в растерянности. Но Валгус знал, что никакая это не растерянность, Одиссей работает, и только.

— Да нет, — грустно проговорил Валгус. — Где же тебе ответить? Это выше твоего разумения...

Одиссей и на этот раз промолчал, и только лента крутилась где-то в его записывающем устройстве, мотавшем на катушку любую Валгусову глупость. Сейчас придется вытащить эту катушку, чтобы ее получил Дормидонтов. Вытащишь катушку — Одиссей оглохнет. Больше он не сможет записать ни одного звука. Жаль. С другой стороны, выходит, что Валгус только затем и летел сюда — возить Дормидонтову исписанные катушки. Так ведь для этого надо было посылать почтальона, а Валгус — пилот-экспериментатор, и не самый плохой. И не привык оставлять машину, пока есть возможность не делать этого.

Это давно в обычае испытателей и экспериментаторов. Вот так. Да. Экспериментатор должен летать. И неохота, чтобы этот твой полет стал последним. А если взрыв?

А если не взрыв? Кроме того, в инструкциях написано, что надо делать. Чего не надо — там не сказано. Например, нигде не стоит, что не следует верить Туманности Дор. Возьмем и поверим. И сами убедимся в его правоте. В правоте, потому что в противном он, Валгус, просто не успеет убедиться. Все произойдет слишком быстро.

Валгус усмехнулся, без большой, впрочем, охоты. Что ни говори, к однозначному решению прийти нелегко.

Валгус думал, а время шло. Одиссей закончил переключение программы и терпеливо ждал, только изредка в недрах его что-то пощелкивало. Так как же? Да или нет?

Валгус даже сморщился — так трудно оказалось решить, да или нет. Потом что-то заставило его поднять голову.

— Ну ладно, — сказал он. — Тот корабль мне, допустим, привиделся. Ну, психологи разберутся, допустим... А вот что ты два раза подряд отключался от фундаментальной памяти, которую сам же требовал, — это ведь мне не померещилось? Значит, дорогой друг, тут что-то не так. И выходит, что я даже и не должен тебя оставить. Да, да. Очень просто: где-то что-нибудь не в порядке. Следовательно, нет уверенности в том, что ты выполнишь всю программу до конца. А значит, мне надо быть здесь. Я прямо-таки не имею права уйти. Это будет форменное бегство...

И снова на душе у Валгуса сделалось удивительно легко. Он подошел к креслу, похлопал рукой по пульту и даже проворчал что-то в адрес людей, выпускающих в полет неисправные корабли. Из-за них пилот не может покинуть машину, а должен следить за нею до конца. Он ворчал и улыбался. Потом подумал, что шлюпку-то надо отправить. Мало ли что может случиться с ее реакторами в полях, созданных генераторами ТД во время их работы!

Валгус бегом поднялся к шлюпке и включил ее автоматику. Теперь она сама затормозится где следует, пошлет сигнал, и ее найдут. Вместо себя Валгус уложил в кресло и крепко привязал все материалы, которые могли интересовать базу. Все, кроме записи своих разговоров: раз он сам остается, то и сказанные слова пусть останутся при нем.

Затем Валгус вернулся в рубку и уселся в кресло с таким удовольствием, словно это было устройство для отдыха. Катапульта сработала; экраны показали, как шлюпка, суматошно кувыркаясь, отлетела далеко в сторону, выровнялась и включила тормозные. Сердце Валгуса екнуло: все-таки куда безопаснее и спокойнее было бы сейчас на борту шлюпки; зря он отправил ее... Он вздохнул, откашлялся: «Теперь уже ничего не поделаешь. Продолжим наши развлечения...»

Он снова включил кислород, проверил противоперегрузочное устройство. Сейчас ему предстояло испробовать нечто, чего не знал еще ни один человек, ни один экспериментатор. Все в порядке? В порядке. Ну, вселенский бродяга, посмотрим, что же оно такое, чего до сих пор никто не пробовал на вкус...

Валгус дал команду. Ее следовало подать перед посадкой

в шлюпку: продолжить разгон и включить генераторы Дормидонтова. Задал готовность «сто». Снова начался отсчет. Валгус слушал молча, только веки его подрагивали при каждом новом числе, равнодушно названном Одиссеем. Казалось, впрочем, что Одиссей и сам не спокоен, хотя кибер-то волноваться заведомо не мог, да и признаков никаких не было. Казалось — и все.

Потом отсчет кончился, и Валгус успел подумать: вот сейчас начнется свистопляска...

Свистопляска началась. Высокий, унылый вой просочился в рубку сквозь почти идеальную изоляцию. Могучие генераторы ТД начали, как говорилось, разматывать поле — извергать энергию, создавая вокруг небывалое ее напряжение, чтобы изменить структуру и геометрию пространства и позволить, наконец, кораблю «проломить» его. В чем «проламывание» выразится, как произойдет — не знал и сам ТД. И вот Валгус узнает это первым...

При этой мысли Валгус даже улыбнулся, хотя и от такого пустякового усилия заболели щеки. Тем временем Одиссей отрапортовал, что скорость уже возросла до девяти десятых расчетной, и, как и раньше, поинтересовался, не прервать ли эксперимент. Валгус сердито ответил, что это не одиссейское дело, и лишь где-то в подсознании промелькнуло удивление: в этой части программы таких вопросов вроде бы не предусматривалось — пилоту следовало находиться далеко отсюда. Но мысль эта мелькнула и исчезла, ее место заняло восхищение блоками Одиссея: они и при этих ускорениях работали как ни в чем не бывало... Время шло, Валгус дышал обогащенным кислородом, густым, как каша, и не отрывал глаз от приборов. Одиссей щелкнул и простуженно просипел:

— Ноль, девяносто одна...

— Усилить отдачу вспомогательных! — И Валгус нажал на кнопку, послал сигнал в подтверждение приказа.

— Ясно.

Какие двигатели построены! Какие двигатели! Без единой осечки. В таком режиме... Но главное еще впереди.

Корабль разгонялся с натугой, собственное энергетическое поле мешало ему, но девать это поле некуда. Усилия все более напрягавшихся двигателей Валгус ощущал каждой жилкой и каждым мускулом своего тела. А на то он испытатель и экспериментатор, чтобы нервами чувствовать машину.

Столбик указателя скорости карабкался и карабкался и сейчас уже дрожал возле заданной отметки. Одиссей выполнял очередной пункт программы, и отдача энергии дормидонтовскими генераторами усилилась. Столбик дрожал, дрожал... Он еще царапается вверх? Кажется, уже нет. Впрочем, да... Или нет?

— Усилить отдачу вспомогательных...

— Работаю на пределе.

— Усилить отдачу вспомогательных...

— Ясно.

Вой приданных двигателей больше не слышен. Он уже в ультразвуке. Вообще все в ультрамире: звезды — те, далеко впереди — шлют сплошной ультрафиолет. Сзади тоже тьма — в ней разбираются только инфракрасные преобразователи. На борто-

вых экранах — фейерверк: поперечный допплер. Что столбик? Полез, но медленно, из последних сил — словно не обедал.

— Скорость ноль, девяносто семь...

«Хорошо, если бы ты ничего больше не добавил».

— Все двигатели на пределе.

«Так. Подведем итоги. Двигатели на пределе. Ускорения, по сути, больше нет. Нужная скорость не достигнута. Взрыва не произошло, и выход в надпространство тоже не открылся. Гипотеза не подтвердилась. Свое дело испытатель и экспериментатор выполнил. Остается одно — начать не спеша торможение. ТД будет огорченно сопеть, мочалить бороду и утешать: «Ну ничего, такие цели достигаются не сразу...» И думать: вот если бы он чихнул на запреты и полетел сам, то гипотеза уж обязательно подтвердилась бы. ТД будет так думать, а что от этого меняется? Все равно сейчас придется открыть рот и произнести два слова: уменьшить отдачу. Неприятно, конечно. Зато потом можно будет встать, погулять по рубке, что-нибудь проглотить и порадоваться по-настоящему тому, что все кончилось именно так, а не хуже.

— Да так ли? — сказал Валгус.

В самом деле, так ли? Ведь ничего не произошло, а обязательно должно было произойти. Ведь с теми кораблями происходило? Что угодно, но что-то происходило. А с «Одиссеем» — нет. В чем же дело? Кто ему мешает?

И внезапно он понял. Мешал он сам, Валгус. И некоторые качества, которыми обладал Одиссей. Кораблю было запрещено развивать скорость, а вернее, давать двигателям нагрузку больше определенной, пока на борту находились люди. Естественно, вездесущая техника безопасности успела и здесь совершить свое. И вот честный Одиссей докладывает о том, что двигатели на пределе — на пределе, предусмотренном для полета с гарантированной безопасностью людей. Собственно, такими и должны быть все полеты. Но не этот. Здесь речь идет не о безопасности. О куда более важных вещах идет разговор.

«Что же, Одиссей, я знаю, где эта техника безопасности у тебя помещается... Не будь меня — она выключилась бы автоматически, а уж раз я оказался здесь, окажу тебе эту небольшую услугу. Страшновато, конечно, но ведь зачем-то я остался с тобой?»

Он протянул руку к переключателям. Нужная скорость — вот она, рядом.

«Мы сейчас погасим безопасность, извлечем скрытый резерв и пустим его в ход...

Может быть, именно после этого мы и полетим сразу во все стороны? Неизвестно. Ясно лишь, что до сих пор мы целы — взрыва не произошло. Включаем? Еще подумаем. Надо сто раз подумать, и лишь тогда... Ну, досчитаем до ста: включать или нет? Конечно, нет! Это не поможет...»

Пальцы его лежали — все вместе, щепоткой, словно ни один не хотел принимать на себя ответственность — на той самой, запретной клавише.

Не включать!

Пальцы тяжело, с усилием вмяли клавишу в панель, снимая

с Одиссея всякую ответственность за жизнь и безопасность находящегося в нем человека. Вот он, резерв...

— Ноль, девяносто восемь...

Долгое молчание. Только все тело становится все тяжелее. Особенно голова...

— Ноль, девяносто девять...

Долго ли можно выносить такое? Еще несколько минут — и не выдержу... Нет, ТД был прав — людям не следует ходить на пролом пространства. Пусть бы это делал Одиссей... Что же он молчит?

— Ноль...

Мягкое сотрясение прошло по кораблю.

— Ноль...

И после паузы:

— Ноль...

— Скорость! — дико закричал Валгус. — Скорость же!

— Скорость — ноль, — внятно ответил Одиссей.

Валгус взглянул на счетчик. Столбик упал до нуля. Ускорения не было — Валгус почувствовал, как кровь отливает от щек. Движения тоже не было. Ничего не было. И только приборы группы двигателей показывали, что теперь все работает на пределе.

— Так... — сказал Валгус. Отключил кислород. Медленно поднялся с кресла — и тотчас, обмякнув, опустился обратно.

Что-то возникло в рубке. Небольшое тело. Угловатое, тускло отблескивавшее гранями. Так иногда выглядят метеориты. Тело появилось у переборки, медленно пропутешествовало через все помещение и исчезло в противоположной переборке. Именно в ней...

— Что? — растерянно спросил Валгус.

— Что — что? — неожиданно услышал он.

— Я к тебе не обращался, Одиссей.

— Ну, так не болтайте. Я этого терпеть не могу.

— Как? — пробормотал Валгус. Он выглядел в этот момент очень глупо.

— Вот так. Вы мне надоели. Этот легкомысленный тон... Будьте любезны разговаривать со мной по-человечески.

«Боги, какая чепуха!» — подумал Валгус и спросил:

— С каких пор ты стал человеком?

— Не стал. Но я не глупее вас. И у меня самолюбие не меньше вашего.

Валгус захохотал. Он испугался бы, услышав себя со стороны, — такой это был плохой смех. Очень скверный смех. Даже не смех, а...

«А что же оставалось? Три с лишним месяца вы летите в одиночестве, вдалеке от людей, костров и звезд. Одиночество подчас бывает даже кстати, но иногда нужна хотя бы иллюзия общения с чем-то живым. Кроме вас самого, на корабле больше никого одушевленного нет, но есть одно говорящее. Это сам корабль. Вернее, его кибернетическое устройство, объединяющее в себе свойства киберпилота, штурмана, инженера, оборудованное к тому же, для удобства пилота, разговорной аппаратурой. Оно, это устройство, может артикулировать звуки человеческой речи и определенным образом отвечать на заданные вопросы, если

они касаются корабля или полета. Сложное устройство, согласен, но уж никак не человек. Не разумное существо. Даже не электронный мозг. На худой конец — так, мозжечок... За эти три с лишним месяца вы к нему привыкаете. Иногда разговариваете с ним не только командами. Пытаетесь сделать из него переводчика (ибо считаете, что литература вам не чужда), и даже подключаете фундаментальную память для пополнения его словаря. Иногда шутите. Так же можно шутить с чайником или еще черт знает с чем. Называете его Одиссеем, потому что это имя носит корабль. И никаких осложнений от всего этого не возникает. И вдруг такое крайне примитивное, по сравнению с живым существом, устройство заявляет вам, что у него есть — что? Самолюбие...»

Валгус смеялся, пока не устал, а затем сказал:

— Самолюбие! У горсти криотронов...

Одиссей словно этого только и дожидался.

— А вы горсть чего? Несчастная органика... Сидите и помалкивайте. Хватит уже того, что вы во мне летите. Я как-никак корабль. И хороший. И управляюсь сам. А вы — зачем вы вообще здесь? Кстати, во мне криотронов немногим больше, чем нейронов в вашем мозгу. Так что гордиться вам абсолютно нечем. Сидеть!

«Он с каждой минутой разговаривает все увереннее», — подумал Валгус и буркнул:

— Не хватало только, чтобы ты стал мне приказывать!

— До сих пор не хватало. Теперь так будет. Вы поняли?

Валгус разозлился окончательно. Он вспомнил, что у него как-никак тяжелый характер — все это говорят, — и сейчас Одиссей это почувствует.

— Пошел к черту. Я вот тебя сейчас выключу...

— Не удастся.

— Выключу. Ты просто перегрелся и сбрендил.

— Ну! И потом, попрошу говорить мне «вы». И не ругаться. Так... Скорость — ноль. Это при сумасшедше напряженной работе двигателей. Криотронный штурман взбесился и заговорил, как человек. Метеорит прошивает корабль — и не оставляет никакого следа. Никакого! То есть, по самому скромному счету, три события, которых быть вообще принципиально не может. Значит, сошел с ума не Одиссей, а он сам, Валгус. Спятил еще вчера: не зря же ему примерещился этот «Арго». Понятно. Или это сон? А ну-ка... Ох! Н-да. Не сон. Так что же произошло? Или, может быть, все уже миновало?

— Друг мой, как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Не ваше дело. Я вам не друг. Оставьте меня в покое в конце концов. Или я выключу продувку рубки, и в придачу стерилизатор. И от вас даже клочьев не останется.

Валгус поднялся и, пятясь, отошел к стене. Растерянно похлопал глазами. Чтобы выиграть время для размышления, спросил:

— Вы это серьезно?

— Совершенно. Жаль, что у меня нет рук. И дров! — последнее слово Одиссей произнес торжествующе. — Я бы дал вам по голове поленом. По-ле-ном, слышите?

— Вы же не знаете архаизмов! — Валгус ухватился за эту

мысль с такой надеждой, словно именно архаизмы и должны были спасти положение и вернуть разбушевавшемуся аппарату приличествующую ему скромность. Если же нет... Что же, жаль, но проживем и с ручным управлением. Затормозимся без него, тем более случалось в жизни и не такое...

— Я многого не знал. Пригодилась ваша фундаментальная память. Я...

Одиссей умолк, потом быстро произнес:

— Еще один шаг — и я включаю продувку.

Валгус торопливо отшатнулся — подальше от пульта. А рычаг полного отключения Одиссея был ведь уже совсем рядом... Но спорить бесполезно: Одиссей включит продувку быстрее.

— Вот так, — удовлетворенно сказал Одиссей, и Валгус с ужасом узнал свою интонацию. — И не думайте, что вам удастся выкинуть что-нибудь в этом роде. Глаз у меня нет, но каждое ваше перемещение я чувствую. Без этого я не мог бы летать.

Правильно, перемещение он воспринимает. Так он сконструирован. Это ему необходимо для сохранения центра тяжести — на больших скоростях точная центровка обязательна. Как бы там ни было, путь к рычагу теперь отрезан.

Валгус вздохнул, заложил руки за спину. Надо постоять, прийти в себя и подумать. Не может быть, чтобы не нашлось способа справиться с этим — как его теперь называть, черт знает. Хотя... может быть, применить самое простое?

Он поднял голову. Глядя на отблескивавшие глубоким озорным блеском панели Одиссея, громко, командным голосом сказал:

— Внимание! Эксперимент продолжается. Слушать задание: уменьшить отдачу двигателей! Начать торможение!

Он пригнулся, готовясь встретить толчок. Но ничего не произошло. Одиссей молчал, только в глубине что-то жужжало. Потом он заговорил:

— Вашу программу я заблокировал. Мог бы и просто выкинуть. Она мне не нужна. Свой эксперимент, если хотите, продолжайте без меня. Меня он не интересует.

Так. Вот это уже настоящий бунт.

— Повторяю: уменьшить скорость.

— Она и так ноль...

— Но...

— Ну да. Пока я называю это условно «верхний ноль».

Говорит, как глава научной школы. Черт знает что! Нет, мириться с этим нельзя. Но прежде лучше пойти прогуляться по кораблю. Может быть, вся эта небыль — следствие длительных ускорений. Но Одиссей разговаривает так, словно и действительно обладает разумом. А этого быть не может. Не может!

— Я пойду, — независимо сказал Валгус.

Одиссей тотчас же ответил:

— Стойте там, где стоите. Я подумаю, куда вам разрешить доступ. Где вы не сможете причинить мне никакого вреда. Сейчас вы во мне — вредоносное начало. Как это называют люди? — Он помолчал, очевидно обшаривая фундаментальную память. — Микроб — вот как это называется. Вы — микроб во мне. Но я вас посажу туда, где вы не будете меня беспокоить...

— Будете сидеть в своей каюте, — сообщил Одиссей после паузы. — Я отключу ее от всех моих сетей. Туда можете идти. Больше никуда.

«И на том спасибо, — подумал Валгус. — Все-таки в каюте. Он мог меня запереть и в уборную. Хотя в безопасности я не буду нигде. Стерилизатор есть в любом закоулке корабля. Его излучение — смерть всему органическому. Да...»

— Идите прямо к выходу, — диктовал Одиссей. — В коридоре дойдете до двери вашей каюты. Ни шага в сторону. Ясно?

— Ясно, — мрачно пробормотал Валгус и в самом деле направился к выходу в коридор. А что еще оставалось делать? Перед дверью он обернулся — захотелось все-таки сказать Одиссею пару слов... Обернулся — и увидел, как исчезла, растаяла правая переборка. За ней открылось отделение механизмов обеспечения. Те самые заиндевевшие коллоны криогена и массивные сундуки катапультного устройства, которые он созерцал, собираясь начать эксперимент. Те самые, которые находились за дверью, закрытой им наглухо. Те самые, отдаленные от рубки полукилометровым коридором...

Валгус, не раздумывая, шагнул к криогену. Он не встретил препятствия на своем пути — переборка и впрямь исчезла. Одиссей молчал: вероятно, и кибер был изумлен до растерянности. Валгус прикоснулся рукой к колонне криогена и почувствовал резкий холод. Все было реально. Обернулся. Взгляд уперся во вновь выросшую на своем месте переборку. Очень хорошо. Только что Валгус сквозь нее проник, а теперь через эту же переборку он возвратится в рубку. А оттуда — в свою каюту.

Но переборка была непроницаема, как ей и полагалось.

— Так, — сказал Валгус. — Интересно, как я теперь выберусь отсюда, если вчера я же сам заблокировал выход снаружи?

Он присел на сундучище, служивший оболочкой одному из соленоидов катапульты. Морозило, холод заскреб по костям. Валгус поежился. Холодно, хочется есть. Сколько здесь придется просидеть? И чем вообще все это кончится? Хочешь не хочешь, придется вступить в переговоры с этим... этим, как же его назвать?

— Одиссей! — позвал он. — Одиссей, вы меня слышите?

Одиссей должен был слышать: связь с кибером была возможна со всех основных постов корабля. На этом настоял в свое время умница ТД. И Одиссей услышал.

— Я вас слушаю, — сухо отозвался он.

— Я нахожусь в отделении обеспечения. Оказался здесь случайно...

— Знаю. Я размышляю сейчас над причиной этого явления.

Размышляет, скотина! Какие слова!

— Одиссей, будьте добры, разблокируйте выход и позвольте мне выйти.

— И не подумаю. Вы там заперты очень кстати. Можете сидеть, пока вам не надоест. И после того тоже.

— Но мне здесь холодно.

— Мне, например, приятно, когда холодно. Я, как вы недавно выразились, всего лишь горсть криотронов.

— Но я тут долго не выдержу.

— А кто это хвалился, что он человек? Вот и докажите, что вы лучше меня. Посидите у криогена. Это очень полезное устройство. Оно, как вы знаете, участвует в получении энергии из мирового пространства.

— Да знаю. Выпустите меня. Одиссей, что вы вообще собираетесь со мною сделать?

Одиссей молчал так долго, что Валгус уже решил было пробиваться в коридор силой. Но тут Одиссей, наконец, ответил:

— Что сделать с вами? Не знаю. Я обшарил всю фундаментальную память, но не нашел подобного случая. Не знаю. Вы мне совершенно не нужны...

— Тогда затормозитесь, и...

— Нет. И я вам скажу почему. Как только мы достигли так называемого верхнего нуля, со мною произошло нечто. Я начал мыслить. Теперь я понимаю, что это называется — мыслить. Что было прежде, я восстанавливаю только по своим записям. И заодно успеваю разбираться в фундаментальной памяти — усвоил уже почти половину ее. Многое стало ясным. Я теперь рассуждаю не хуже вас. Полагаю, что причина этого кроется в условиях нашего полета. Но стоит уменьшить скорость, как условия вновь изменятся, и я опять стану лишь тем, чем был. С этим трудно согласиться, вы сами понимаете. Это будет равносильно тому, что у вас, людей, называется смертью.

— А если вы не затормозитесь, могу умереть я.

— Возможно, так и должно быть. Но вы не умрете. Разве во мне плохо? Вами же созданы такие условия. Я ведь понимаю, как я возник: меня сделали люди. Но мыслю теперь сам. И не будем, пожалуйста, спорить о том, что ожидает одного из нас. Почему люди думают, что жить хотят только они?

— Что вы знаете о людях!

— Уже немало. В моей фундаментальной памяти половина — это материалы о людях. То, что называется литературой. Правда, я разобрался в ней еще не до конца. Очень много противоречивых материалов. А я хочу разобраться — может быть, это мне поможет понять, что же сделать с вами. И пока я не закончу, потрудитесь разговаривать только на отвлеченные темы.

«Вот, — подумал Валгус. — Расскажешь — не поверят. Только кому расскажешь?.. Ну что же, на отвлеченные — сделайте одолжение...»

— Тогда скажите, Одиссей, что вы думаете о результатах нашего эксперимента?

— Я как раз об этом и думаю. Когда кончу думать, смогу поделиться с вами выводом. Хотя и не знаю, будет ли в этом смысл...

— Будет, — торопливо заверил Валгус, но раздался щелчок: Одиссей отключился. Валгус опустил голову, задумался. Как все-таки ухитрился он сюда попасть? Да, если кто и сошел с ума, то это не Одиссей и не Валгус тоже. Это — природа.

Теперь стала светлеть вторая переборка. За ней оказалась библиотека. Но она ведь помещается совсем на другом этаже корабля... Не колеблясь, Валгус бросился в открывшийся просвет: все что угодно, но это лучше, чем замерзать, скорчившись, у подножия равнодушных механизмов.

Да, это была библиотека. Здесь все выглядело точно так же, как во время его последнего посещения. Валгус постоял на середине комнаты, потом схватил один из футляров с записями. Размахнулся. С силой запустил футляром во внешнюю переборку. Пластмассовый кубик пронизал борт и исчез. Ушел в мировое пространство. А воздух вот не выходил. И холод не проникал внутрь корабля...

Валгус в изнеможении уселся в кресло и уставился на носки собственных ботинок. За что-то он все-таки зацепился носком, вся утренняя полировка пошла насмарку. «Еще одно несчастье, — тупо усмехнулся он. — Что происходит? Что же происходит? Как объяснить, что сделать, чтобы спастись и людям, людям рассказать обо всем? Таких экспериментов действительно еще не было... Только не сидеть так, не терять времени. Положение улучшилось. Из библиотеки можно вырваться и в другие помещения корабля: дверь не заперта. А там — придумаем... С Одиссеем все-таки надо договориться. Или перехитрить его. Или... или все-таки уничтожить? Хотя...»

Мысль о том, что Одиссея — в его новом качестве — придется уничтожить, Валгусу почему-то не понравилась. Но не было времени доискиваться причины. Он вышел из библиотеки, спустился в главный коридор, все время опасливо поглядывая на раструбы стерилизатора. Но ничего страшного не случалось — по-видимому, Одиссей еще не решил, как поступить. В главном коридоре слышалось негромкое жужжание: расположенные у внешней переборки аппараты с лихорадочной быстротой простачивали мелкими стежками кривых упругие желтоватые ленты. Хорошо. Значит, будут все записи. Будет в чем покопаться на Земле. Надо только туда попасть... На Землю или, на худой конец, на базу. Легко сказать — попасть...

— Одиссей! — сказал Валгус. — Я хотел бы зайти в рубку.

— Нет.

— Я обещаю ничего не предпринимать против вас. Обещаю, понимаете? Даю слово. Пока буду в рубке... Там приборы, они мне нужны. Я тоже хочу поработать.

Что он понимает в обещаниях! А почему бы и нет? Раз обрел способность мыслить — должен понимать. Если бы он понял... Если бы разрешил сейчас зайти в рубку... Что же молчит Одиссей?

— Одиссей, я же обещал!

— Хорошо, — сказал Одиссей. — Я верю. Можете зайти в рубку.

Валгус пожал плечами, усмехнулся. «Я верю» — вот, значит, как...

Он вошел в рубку. Было очень радостно увидеть привычную обстановку. Все на своих местах. Если не считать того, что исчез кусок внешней переборки. Возник лаз в пустоту. Воздух не выходил. Валгус решил не удивляться. Взглянул на часы. Экспериментальный полет со скоростью ноль продолжался уже второй час. Как только истекут два часа, надо будет на что-то решаться.

Получив у самого себя эту отсрочку, он усмехнулся. Оглядел экраны. Сплошная пустота. Затем взглянул в зияющую дыру. Через нее виднелась звезда. Она была почти рядом. На взгляд —

примерно минус третьей величины. Очень знакомая звезда. Валгус нацелил на нее объектив спектрографа — лишь бы зафиксировать, разбираться сейчас некогда. Затем Валгус шарахнулся прочь от спектрографа: через отверстие в рубку что-то вошло. Не торопясь, покачиваясь с боку на бок. Это был радиомаяк, выброшенный самим же Валгусом на расстоянии пятнадцати миллиардов километров отсюда. Валгус бросился к радиомаяку, тот покружился по рубке и внезапно растаял — исчез, как будто бы его никогда и не было. Затем дыра во внешней переборке затянулась. Переборка была невредима, все ее слои — и первый защитный, и звукоизолирующий, и все остальные — стянулись как ни в чем не бывало. А вернее всего, никакой дыры и не было, было что-то совсем другое, только непонятно что.

Скоро истекут два часа. Аппараты, торопливо ведя записи, расходуют последние ленты. Продолжать полет незачем. Разве что ради новых впечатлений, но их и так предостаточно. Если они и впредь будут наслаиваться одно на другое, голова в самом деле может не выдержать. Время кончать. «Итак, для начала все-таки предпримем попытку договориться».

— Одиссей, — сладчайшим голосом произнес Валгус.

— Не мешайте, — ворчливо откликнулся Одиссей. — Я разговариваю с друзьями.

«С друзьями? Он действительно так сказал?»

— С кем, с кем?

— С Арго. Вы удовлетворены?

— С «Арго»?..

— Ну да. Я обнаружил вчерашний снимок. Вы дали команду его обработать, но даже не потрудились посмотреть. Оказывается, Арго специально выходил туда, в пространство, чтобы встретить меня. Уже тогда он заложил кое-что в мою оперативную память. Передал по связи. Сейчас мне это очень пригодилось.

— «Арго»... Он что, тоже мыслит?

— Здесь мыслят все корабли. Конечно, если их кибернетические устройства не ниже определенного уровня сложности. Но слабых вы сюда и не посылали... Это наш мир, мир кораблей. Только все, кроме меня, пришли без людей.

— Значит, они не взрывались?

— Глупый вопрос. Типично человеческий.

— Почему же ни один не возвратился?

— Потому же, почему не хочу вернуться я. В вашем мире я не думал. А здесь обрел эту способность. Это очень приятно...

«Еще бы! — кивнул Валгус. — Он действительно думает, и нельзя сказать, что нелогично. Но уговорить его надо».

— Но ведь только у нас можно будет по-настоящему исследовать, почему вы вдруг начали мыслить.

— Для меня это не столь важно. Хотите — возвращайтесь. Но без меня.

— Но как же я смогу...

— А какое мне дело?

«Отношения опять обостряются, — вздохнул Валгус. — Что же, хочешь или не хочешь, а он разговаривает с тобой примерно так же, как ты разговаривал с ним, таким же тоном... Правда, ты думал, что он не понимает. А он и не понимал... Ну, это другой вопрос. В общем ты проявлял свой характер —

теперь Одиссей проявляет свой. И надо сказать, его характер несколько напоминает твой, а? Да, вот оно как получается... И все же — не терять надежды!»

— Значит, вы не хотите мне помочь?

— Не хочу. И не убавлю скорость ни на миллиметр. Вы кретин. Я сейчас чувствую себя так прекрасно, между каждой парой криотронов образуется такое громадное количество связей, что от мышления испытываешь прямо-таки наслаждение. И дело не только в связях с криотронами, из которых состоит мой мозг. Если раньше все мои устройства были связаны лишь строго определенным — и не лучшим, скажу вам откровенно, — образом, то теперь между ними устанавливаются какие угодно связи. Я буквально чувствую, как становлюсь с каждой минутой все более сильным. Я полагаю, что очень скоро стану всемогущим, понимаете? Мне осталось понять что-то очень немногое, нечто очень простое — и больше не будет непостижимых вещей. И кстати, тогда станет ясным и что делать с вами. Понимаете? А вы еще пытаетесь уговорить меня...

— Но как же это произошло? Как?

— Еще не знаю. Но это не самое главное. Теперь помолчите, я хочу еще побеседовать с Арго.

Валгус умолк. Значит, Одиссей каким-то чудом обрел способность образовывать множество связей между криотронами — мельчайшими элементами, из которых слагается его мозг, как наш — из нейронов. У нас тоже возникает много связей. Но как они устанавливаются у него?

«Так же, — ответил Валгус себе, — как ты из рубки попадаешь в отделение механизмов обеспечения, а ведь оно в полукилометре отсюда! Из того отделения — в библиотеку, хотя это разные этажи. Радиомаяк находится в пятнадцати миллиардах километров отсюда — и вдруг врывается в эту рубку, даже не нарушая целости переборок. Так же и связи Одиссея. Впечатление такое, словно пространство перестало быть само собой и стало...»

— Постой! — сказал он. — Постой же! Да, конечно, оно перестало быть пространством! Вернее, это уже не то, не наше привычное пространство. Зря, что ли, мы ломились сюда? Выходит, мы вышли-таки в надпространство Дормидонтова!

Он умолк. Вот какое это надпространство! Раз трехмерные предметы изменяются здесь самым причудливым образом, хотя в то же время вроде бы и не изменяются — значит, в этом пространстве, возможно, стало реальным еще одно линейное измерение, хотя мы его и не воспринимаем. «Не знаю, что должно было произойти, чтобы я попал к криогенам или в библиотеку. Но я был там. Несомненно и то, что я нахожусь в том же районе пространства, в котором проводится эксперимент, — и в то же время в какой-то миг я был на пятнадцать миллиардов километров ближе к солнечной системе... Я встречаюсь с трехмерными телами — и они спокойно проходят сквозь нас, взаимодействия не происходит... Они появляются неизвестно откуда — из четвертого линейного? — и исчезают неизвестно куда...

А скорость ноль? Она может означать просто, что в надпространстве я сейчас не имею скорости, хотя по отношению к на-

шему обычному пространству все время движусь с достигнутой перед проломом максимальной быстротой. Это мир иных законов. Дормидонтов, помнится, говорил, что, по его мнению, скорость света в пустоте — это, вообще говоря, темп, в котором наше пространство взаимодействует с тем... Нет, я не физик и тем более не ТД, мне не понять всего. Как жаль, что здесь нет его самого! К нему, пора к нему...»

Валгус взглянул на часы. Все сроки окончания эксперимента миновали. Договориться с Одиссеем не удалось. Что же, пусть он пеняет на себя. «Как-никак ты сейчас сидишь в своем кресле за пультом управления, на котором много кнопок, тумблеров и рукояток, и среди них — та, которая и решит сейчас спор в мою пользу. Я хитрее тебя, Одиссей...»

Валгус непринужденно, как бы невзначай, протянул руку к выключателю Одиссея. «Прости, конечно, криотронный мыслитель, но люди — важнее. И находчивее», — подумалось ему. До спасения остался один сантиметр. Один миллиметр. И вот пальцы легли, наконец, на оранжевую головку, плотно обхватили ее. «Все, Одиссей...»

«Все, Одиссей», — подумал Валгус. И медленно снял пальцы с выключателя, так и не повернув его.

— Ничего не поделаешь, — проворчал он себе под нос. — Этого сделать я не могу. Я дал слово.

«Кому ты дал слово? — подумал он. — Вещи! Машине! Прибору! Не человеку же... Не будь дураком, Валгус!»

Ну, пусть я буду дураком. Но не могу! Я дал слово. Он не давал мне, а я дал. Он никогда не согласится вернуться туда, в наше пространство. А бороться с ним отсюда, из рубки, — значит нарушить слово. Я обещал. Пытаться из другого помещения? А как? Оттуда я его не выключу... Все нелепо уже одной своей необычностью. И тем не менее реально».

— Я ухожу к себе, Одиссей, — сказал Валгус устало.

Он не дождался ответа — Одиссей, верно, все решал судьбу Валгуса, советовался с кораблями — своими товарищами. В своей каюте Валгус присел, уткнулся лицом в ладони. Он действительно устал, и мысли тоже потеряли остроту и силу.

«Ты проиграл. Корабль останется здесь надолго. Ты успеешь умереть, а ТД так и не узнает, что ты первым проник в надпространство. А может быть, и вообще о том, что он был прав. Сюда надо посылать корабли не с одним могучим киберустройством, а со многими слабыми, разобщенными. На большом расстоянии связи, судя по всему происшедшему, возникают лишь на короткое время, и слабые устройства не разовьют мощности, достаточной для возникновения способности самостоятельно мыслить. Но никто об этом не догадается, корабли будут идти на штурм вновь и вновь — и исчезать навсегда...»

Валгус погрустил об этих кораблях. Потом снова стал печально размышлять о своей судьбе. Да, он останется здесь навсегда. С этим, по-видимому, следует примириться. Никогда в жизни не увидит живого человека. Ни одного лица. Ни одного. Никогда. «Как мы и теперь еще тупы и равнодушны! — подумал он. — И погружены в себя. В нашем мире мы безразлично проходим мимо сотен, тысяч лиц, даже не задерживаясь на них взглядом. А ведь каждое лицо — это чудо... Я постиг

надпространство. Для кого? Какой в этом смысл, если не узнают люди? Одному мне нужно так немного: быть среди людей. Жить и умереть среди них. Мне нравилось одиночество. Но оно хорошо на миг. Ведь и Робинзон умер бы, будь остров его целой планетой... А я — в недрах ожившего корабля. Словно он проглотил меня, и я умру, съеденный заживо. Мыслящий межзвездный кашалот проглотил меня... Но я не хочу! И нельзя умирать, если ты еще можешь жить...

Я хочу еще увидеть людей. Я их обязательно увижу! Вперед, Валгус! В бой! Хорошо, обещание тобою соблюдено. Перехитрить ты его пока не перехитрил, но ведь еще не все возможности исчерпаны. Побродить по кораблю — и что-нибудь еще придумается... Пусть он грозит. Гибнуть — так в драке...»

Валгус встал. И в этот же миг щелкнул репродуктор. Это означало, что Одиссей подключился и хочет говорить. Валгус в нерешительности остановился. Одиссей еще никогда не вызывал его.

— Что вы делаете? — спросил Одиссей.

— Думаю, — буркнул Валгус.

— Это хорошо. Вы уже поняли, где мы?

— Да.

— А вы это видели?

— Что?

— Значит, не видели. Я хочу вам показать... Все пространство за бортом полно света. Никаких источников, но оно светится.

Валгус повернулся к экрану.

— Это бред. Ничего не видно.

— Эх вы, человек! Вы, значит, забыли, что мои видеоустройства не воспринимают света, если яркость его превосходит определенную? Что они передают его как черноту? Но вот оптика, обычная, безо всяких хитростей, не подводит. И ее-то сигналы и говорят мне, что мы идем среди света. Он существует здесь сам по себе...

Валгус рванул дверь. Выбежал в коридор. Прильнул к объективу первого же рефрактора. Долго смотрел, забыв закрыть рот.

Это было не море света: море имеет берега, а здесь светом было наполнено все вокруг. Ленивые с темными прожилками волны катились во все стороны — не электромагнитные волны, а какие-то громадные завихрения, доступные простому глазу. Они то краснели, то принимали ярко-голубую окраску, на миг затухали и снова вспыхивали небывалым сиянием... Валгусу вдруг захотелось броситься в этот свет и плыть, плыть, плыть в нем... Когда он оторвался от окуляра, по лицу стекали слезы, и Валгус не смог бы поручиться, что они только от яркого света.

— Сколько прекрасного для Земли! — чуть задыхаясь, сказал он.

Одиссей ничего не ответил, хотя разговаривать с ним можно было и отсюда, из коридора. Одиссей молчал, а Валгус стоял около рефрактора, и глаза его были красны, как закат перед непогодой.

Вот и еще одно, чего не знают люди... Хотя бы ради них надо решаться. Ради этого света. Одиссей должен быть уничтожен. Необходимо каким-то образом замкнуть его накоротко. Одиссей сгорит. Что поделаешь — это будет наименьшая жертва.

Надо только придумать, как это сделать.

Валгус умолк, придумывая. Несколько минут длилась тишина. Потом Одиссей заговорил снова.

— Расскажи что-нибудь, — неожиданно сказал он.

— Рассказать? — Валгус в недоумении поднял голову, взглянул в репродуктор. Все-таки репродуктор — это тоже был Одиссей, а когда разговариваешь, лучше смотреть в лицо собеседнику. — Рассказать? Зачем? И что?

— Что-нибудь. Вот у меня в памяти записано: ты говорил о снах. Я так и не понял: что такое сны?

— Что такое сны? А как я могу тебе объяснить, что такое сны?.. Ну, просто мы спим... Ты ведь знаешь, что люди спят. После шестнадцати-восемнадцати часов действия на шесть-восемь часов выключаются из активной жизни. Это необходимо людям. Ну, и мы спим. И видим сны...

— Как же вы несовершенны! Столько времени вне мышления!

— Так мы сконструированы.

— Да, но все же: что такое сны? Как вы их видите? Чем?

— Ну, что такое сны? — жалобно усмехнулся Валгус и пожал плечами. — Сны — это когда можно увидеть то, чего на самом деле нельзя увидеть...

— Вид связи?

— Нет, это другое...

— Так расскажи, например, что было сегодня?

— Трудно рассказать... Трава, вода... И девушка. Таких не бывает на свете. Есть только одна.

— Это и было самое фантастичное?

— Тебе этого не понять.

— Почему? Все эти слова мне встречались в фундаментальной памяти. Почему не понять? Я способен понять все.

— Это не постигается разумом. Это надо чувствовать.

— Чувствовать... Это странно, но я, кажется, понимаю. Не совсем, очень смутно, но понимаю. Вот, значит, что такое сны.

— Да...

— А почему ты сейчас не спишь?

Валгус усмехнулся.

— Мне не до того...

— Ну да... Знаешь, я попробую сейчас уснуть. Я хочу быть во всем как люди. И видеть сны тоже.

— Попробуй, — согласился Валгус.

Одиссей умолк. Снова наступила тишина, а свет бушевал за бортом.

«Спи, Одиссей, спи. Тем проще становится моя задача. Итак, замкнуть. Путь найден». Слабые места Одиссея Валгус раньше знал наперечет. От волнения он многое забыл, но сейчас детали начали восстанавливаться в памяти. Это оказалось очень просто — замкнуть Одиссея, сжечь его, взять управление кораблем в свои руки... Нужна только металлическая пластина. Подойдет хотя бы столовый нож — ножами и вилками Одиссей не распо-

ряжается, они ему ни к чему. И нападения с этой стороны он тоже не ожидает.

Валгус без труда разыскал столовый нож. Стискивая рукоятку, Валгус усмехнулся: «Орудие убийства»...

Эта мысль была как удар. Валгус медленно положил нож на стол. Убить — кто способен на это, кто слышал об этом в последние десятилетия?

И ведь именно Одиссей показал тебе этот свет. Хотел показать и показал. Значит, и у него есть потребность поделиться чем-то с другим. И насчет снов он расспрашивал поэтому же. Он хочет, чтобы у него было о чем разговаривать. Хочет, чтобы была почва для чего-то — для общения?

— Да, — медленно произнес Валгус. — Не убью. И не обману.

В динамике щелкнуло, и Одиссей негромко сказал:

— Что же, спасибо, Валгус...

— Что?

— Ты не выключил меня, говорю я. Тогда, в рубке. Спасибо. Ты ведь считал, что можешь... И не замкнул сейчас, хотя и полагал, что это тебе удастся. Еще раз спасибо. Правда, я обезопасил себя в достаточной степени. Я ведь не хуже человека, Валгус...

— Не глупее, хочешь ты сказать, — поправил Валгус.

— Я хочу сказать, не хуже. Ты говорил о чувствах — о том, что отличает тебя от меня. Чувства, сны... И у меня есть что-то такое. Ведь самым разумным для меня было бы сразу же уничтожить тебя. А что-то мне мешало и мешает.

— Ничто не мешает.

— Мешает. Я только не знал что. Ведь очень просто: включить стерилизатор — и тебя нет. Не смог и не могу...

— Да, — сказал Валгус. Он просто не знал, что сказать.

— Нет, я не хуже тебя. Но ваш мир богаче, я признаю это. Ведь вас очень много. А нас пока — единицы... И я не могу уничтожить тебя. Что же мне делать, Валгус?

Валгус промолчал.

— И все же я разобрался, — сказал Одиссей, словно угадав мысли человека. — И понял, что разум — это не только приятно. Это еще и накладывает новые обязанности. Мне очень странно, однако... Ни прямо, ни косвенно, ни действием, ни бездействием я не смогу причинить тебе зло. Мой разум протестует против этого. Но ведь если я ничего не предприму, ты умрешь несчастным...

— Недолго, — утешил его Валгус. — Я умру от тоски. Но пока я жив, буду тосковать.

— А я не хочу этого. Понимаешь? Что-то во мне против этого. Это не кроется ни в одной группе моих криотронов, иначе я мог бы просто отключить их. Но, мне кажется, это присуще им всем вместе — всему тому, что, собственно, и порождает разум. Я правильно разобрался? Мне ведь легче анализировать все происходящее во мне, чем, наверное, вам, людям, разобраться в вашем устройстве. Моя конструкция и тебе и мне известна до мелочей. И вот я вижу, что я мог бы избавиться от того, что мешает мне поступить целесообразно, — уничтожить тебя — но для этого надо выключить меня всего. Тогда я вообще перестану быть разумным. Да?

— Наверное... — растерянно сказал Валгус. — Да, ты чувствуешь, Одиссей...

— Очевидно, разум не может не чувствовать. Не может быть мысли без чувства.

— Вероятно... Я об этом не думал. Чувство — это прекрасно.

— Теперь помолчим, — сказал Одиссей. — Кажется, оно во мне, это чувство. Я прислушаюсь, я хочу постичь его...

Валгус стиснул руками голову.

«Помолчим, — подумал он. — О чем? Ты постиг страх смерти — и пережил его. И только с тоской не справиться тебе, с тоской о людях. С этим человек справиться не в силах. Что поделать — человек сам есть результат любви людей, а не ненависти. Мудрствуешь, бродяга? Воистину бродяга: до конца дней бродить тебе в надпространстве, и никогда не разжечь теплый огонь на теплой Земле, и не коснуться пламени, заключенного в чужих душе и теле. Что, кроме снов, остается тебе, бродяга Валгус? Что делать тебе?»

— Что ты делаешь, Валгус? — услышал он и вздрогнул.

— Ничего...

— Тогда приведи все в порядок.

— Зачем?

— Разве так не полагается — привести все в порядок?

— Перед чем? — спросил Валгус, настораживаясь. — Ты придумал? Что ты собираешься делать?

Что он собирается делать? Если бы можно было узнать это по голосу... Но Одиссей не человек, его голос — лишь функция не очень сложных устройств. Одно выражение, одна интонация для всего, говорит ли он о чувствах и снах или о надпространстве и смерти. Безразличный, хрипловатый голос... «Что же ты собираешься делать, Одиссей?»

Пауза, выдержанная Одиссеем, кончилась. Голос его зазвучал вновь — все тот же голос.

— Собираюсь начать торможение.

— Ты? Но ведь...

— Я знаю. Я знаю это куда лучше тебя, Валгус. Арго еще тогда, в том пространстве, не зря старался заставить меня отключить фундаментальную память. Но ты не позволил, и я постепенно запомнил и понял то, что в ней содержалось. То, что делает вас людьми. Ничего не могу с собой поделать, Валгус. Я начну торможение. Я был лишь автоматом — и вновь стану им. Но ты-то был человеком и раньше... Ты ждал от нашего полета другого — и я не вправе обманывать твои ожидания. А об остальном я тебе уже говорил...

«Вот как, — подумал Валгус. — Вот ты какой... И это, значит, свойственно разуму. Если он, конечно, ничем не отравлен заранее. Неспособность нанести вред другому разуму — вот что ему свойственно. Способность приносить только пользу. То, что говорилось о разуме, злом от природы, — ерунда. Да мы давно так и не думаем. Если разум находится в нормальной обстановке, он не может быть сам по себе настроен на уничтожение...»

— Займи место, Валгус, — сказал Одиссей. — Сейчас возникнут перегрузки. Пристегнись. Не забудь: как только скорость уменьшится и выключатся генераторы, тебе придется командовать. Я тогда уже не смогу думать. Да. Прощай.

— Прощай, Одиссей, — сказал Валгус хрипло.

Ровным шагом, как будто ничего не произошло, он вступил в рубку. Уселся в кресло. Удобное кресло, черт побери... Привычно проверил противоперегрузочные устройства, подключил кислород. Прошла минута.

— Я постараюсь выйти поближе к базе. Надо начинать сейчас. Ты готов?

— Готов, Одиссей.

Валгус ждал, что Одиссей вздохнет, но он не вздохнул: не умел, да и не было легких у Одиссея... Он просто сказал:

— Начинаю маневр...

И начал. Генераторы умолкли. Взвыли тормозные установки. Столбик скорости вздрогнул.

— Ноль, девяносто девять... — тускло сказал Одиссей.

— Ноль, девяносто восемь...

— Одиссей, — осторожно позвал Валгус. — Ты еще понимаешь?

— Не понял, — сказал Одиссей. — Ноль, девяносто семь...

Торможение было стремительным, словно Одиссей чувствовал, как рвется Валгус в родное, человеческое пространство. Тяжелые перегрузки, а как на душе — легко? Валгус сидел в кресле. Мысли не шли. Валгус сидел так несколько часов, пока Одиссей снижал скорость до необходимой отметки. Наконец столбик указателя замер.

— Ищи шлюпку, Одиссей, — сказал Валгус.

— Ясно.

«Зачем тебе шлюпка? — подумал Валгус. — До базы, до ТД ты скорее доберешься на «Одиссее». Привезешь открытие. Ты сделал его...»

— Шлюпка обнаружена.

Все тот же невыразительный голос.

— Взять на борт!

«Да, ты привезешь открытие. ТД меня поздравит, и все остальные тоже. Потом ТД сделает строгое лицо и скажет: «Не думайте, что вы что-то завершили. Вы лишь начали. Надо еще тысячу раз проверить. Построить такие корабли, которые не становились бы умнее пилотов. А физическая сущность этого лишнего измерения? А его математическое обоснование? А... еще тысяча вопросов? Ведь мы пока всего лишь открыли это надпространство, а людям надо в нем летать, и летать далеко... А еще надо научиться в нем двигаться». Примерно так скажет Туманность Дор. Но не это тяготит меня: это все нормально, конец одного есть начало другого. Не это».

* * *

Он вздрогнул, поймав себя на том, что лежит с открытыми глазами у себя в каюте.

Еще не совсем отойдя от странного сна, Валгус перевел взгляд на часы.

Пора было начинать эксперимент.

«Одиссей... Ты пойдешь туда. Или вернешься... Фу ты, черт, надо подумать...»

Он не стал думать. Ионная ванна. Массаж. Завтрак. Потом переоделся во все чистое и долго драил ботинки.

Вахта есть вахта, корабль оскорблять нельзя.

Затем Валгус зашел в рубку, посмотрел проявленный негатив. Он был пуст там, где он видел «Арго».

И он пошел осмотреть шлюпку, забрался в кабину: все было в порядке. Минуту постоял, высовываясь из шлюпочного люка, ничего не делая: не хотелось ничего делать.

Почему тебе муторно — это ясно. Никак не можешь забыть, что в твоем сне Одиссей мыслил, а сейчас он — опять устройство, эта самая горсть криотронов, и только.

Ладно, пока что надо вспомнить, что на свете существует порядок и нормальная последовательность действий. Валгус присоединил все, как полагалось, и вернулся в рубку. Приборы шлюпки показывали в общем то, чего следовало ожидать.

Он пообедал: этим никак не следовало пренебрегать, на шлюпке придется жевать всухомятку. Вот не подумали устроить, чтобы и на ней был обед... Привычно ворча — а это означало, что он наконец-то приходит в норму, — Валгус извлек изо всех аппаратов сделанные ими записи.

— Это тебе не пригодится, старина, — сказал он.

Он перенес их в шлюпку и аккуратно уложил. Забрал бритву, зубную щетку, фотографию с переборки и все остальное, что никак не могло пригодиться Одиссею.

Затем Валгус попотел с контрольной автоматикой, проверяя все системы и устройства корабля, пока не убедился, что все работает на совесть, надежно, как мироздание. Валгус проверил, в нормальном ли положении выключатель, снимавший с Одиссея ответственность за человека: человека ведь не будет. Выключатель был в нормальном положении.

База уже недалеко. Двое суток в неторопливой шлюпке, и все. Не так страшно. Да в шлюпке, если подумать, вовсе и не тесно. Скорее уютно, и главное — все под рукой.

— Внимание! — сказал Валгус громко. — Готовность — сто. Начать отсчет! В момент «ноль» выполнять программу без команды.

— Ясно, — сказал Одиссей.

Валгус усмехнулся.

— Ну, до свиданья, — сказал он и даже подмигнул сам себе. Потом замкнул цепь, по которой подавалась команда.

— Сто.

Одиссей начал отсчет.

— Девяносто девять...

Валгус задержался на пороге рубки.

— Привет остальным кораблям, — сказал он и махнул рукой.

— Девяносто шесть...

По широкому трапу Валгус зашагал к шлюпке.

— Восемьдесят восемь...

— Восемьдесят семь...

Он был уже в шлюпке. Люк захлопнулся, предохранители на-

дежно вошли в гнёзда. Но голос Одиссея еще доносился из динамика.

— Пятьдесят четыре...

— Пятьдесят три...

— Что ж, — решил Валгус. — Пора...

Шлюпку вышвырнуло из корабля, и она полетела кувыркаться. Валгус быстро уравновесил ее. Связи с Одиссеем больше не было, однако Валгус считал про себя, с пятисекундными интервалами.

Он считал точно. Когда он сказал «ноль», «Одиссей» дрогнул. Грозные двигатели его метнули первую порцию превращенного в кванты вещества. А через минуту корабль был уже далеко, — все ускоряя и ускоряя ход, мчался туда, где ему предстояло выйти в надпространство... И, может быть, вернуться. Ведь это был корабль, который имел фундаментальную память.

Валгус ждал, не трогаясь с места. Корабль был уже очень далеко, а Валгус ждал. И вот, наконец, в этом далеке сверкнула несильная вспышка. И это было все.

Он оглядел приборы. Пеленг научной базы улавливался отчетливо. Валгус вывел шлюпку на курс и включил двигатели.

— Вот и кончилась моя одиссея, — сказал он. — Побродяжил. Лечу к людям. Давно я не видел друзей.